

Комментарии публикатора

Публикуемые ниже тексты представляют собой стенограммы докладов П.Я. Гальперина «Учение о памяти» и П. И. Зинченко «Проблема произвольного запоминания у ребенка», сделанных 18 декабря 1938 г. на вечернем заседании секции педагогики и психологии первой научной сессии Харьковского государственного педагогического института (ХГПИ). Эти два доклада замыкают череду докладов этого дня и непосредственно предваряют прения (см. «Очерк истории Харьковской школы» в этом номере). Доклады Гальперина и Зинченко занимают 32 страницы стенограммы начиная с оборотной стороны 26 листа (обозначенной как 26-2) до оборотной стороны 42 листа (обозначенной как 42-2). Общий объем стенограммы этого заседания составляет 53 машинописных двусторонних листа с эпизодической рукописной правкой. Все публикуемые материалы находятся в Государственном архиве Харьковской области (Ф. 4293, оп. 1, ед. хр. 40).

Рукописная правка проходит через все стенограммы в приблизительно равной мере, за исключением одной, а именно стенограммы доклада Гальперина, который подвергся наиболее интенсивному редактированию из всех докладов этого дня. Мы высказали предположение, что сквозная правка, проходящая через все стенограммы докладов, представленных группой психологов на заседании секции педагогики и психологии научной сессии ХГПИ 1938 г., вне зависимости от их авторства, сделана рукой одного и того же человека. Предварительная сверка почерка правки с образцом почерка А. Н. Леонтьева позволяет предположить его авторство, но, тем не менее, окончательные выводы можно будет делать лишь на основании заключения профессиональной графологической экспертизы.

Доклад Гальперина весьма примечателен своей достаточно необычной для представителей так называемой «Харьковской школы» критикой исследований А.Н. Леонтьева. Сходная критика появилась в работе П. И. Зинченко «Проблема произвольного запоминания», опубликованной год спустя (см. Научные записки Харьковского педагогического института иностранных языков. 1939. Т. 1. С. 145–187). Примечательно, что в этой статье нет никакой ссылки на доклад Гальперина, при этом в этой публикации статьи Зинченко 1939 г. появилась критика Выготского, которой изначально не было ни в одном из этих двух докладов.

Что же касается рукописной правки доклада Гальперина, то изменения текста в результате правки не просто существенны, а порой даже меняют смысл сказанного в докладе на противоположный. Так, например, в самом конце страницы 35, фраза доклада «Эмоции есть основная сила, которая приводит к улучшенному запоминанию осмысленного материала», зафиксированная стенографистом, в результате правки была изменена на противоположное по смыслу утверждение «Эмоции *не* есть основная сила, которая приводит к улучшенному запоминанию осмысленного материала».

В ходе подготовки текста к публикации был внесен ряд изменений в текст стенограммы. Так, к примеру, пунктуация была по возможности приведена в соответствие с современными нормами правописания. Все рукописные зачеркивания переданы зачеркиванием текста. Фигурными скобками обозначены редакторские комментарии публикатора, например, нумерация страниц стенограммы. Все рукописные вставки обозначены квадратными скобками. Очевидные ошибки стенографистов исправлены и сопровождаются сносками. Сокращения раскрываются в угловых скобках. В то же время при редактировании текста мы старались сохранить все стилистические неровности и шероховатости и даже грамматические ошибки доклада, допущенные в спонтанном устном дискурсе. Все случаи подчеркивания и использования заглавных букв, встречающиеся в тексте, передаются в точности в соответствии с оригиналом. При публикации сохраняется нумерация нечетных страниц архивного документа, в то время как оборотные, т. е. четные страницы обозначаются индексом «-2».

Мы выражаем свою признательность Екатерине Завершневой за консультацию и исключительно ценные указания по оформлению этой публикации.

Ключевые слова: Харьковская психологическая школа, Харьковский педагогический институт, первая научная сессия ХГПИ, архив, стенограмма, двоеечие, анонимное коллективное соавторство, квазипсевдонимность, психология памяти, П. И. Зинченко, П. Я. Гальперин, А. Н. Леонтьев.

Comments of the publisher

The texts published below are verbatim records of the talks of P.Ya. Galperin «Study of Memory» and P. I. Zinchenko «The Problem of Child Involuntary Memorization» made on December 18, 1938, at the evening session of «Pedagogy and Psychology» section at the first scientific meeting of the Kharkov State Pedagogical Institute (HSPI). These two talks bridged series of reports made that day and preceded the debate (see «Essay on History of Kharkov Psychological School» in this issue). Reports of Galperin and Zinchenko occupy 32 pages of transcripts starting from the back side of the sheet 26 (indicated as 26-2) until the back of the sheet 42 (indicated as 42-2). The overall volume of transcripts from this meeting is 53 typewritten two sided sheets with occasional hand-written editing. All published materials are at the State Archives of Kharkov District (F-4293, op. 1, ed. hr. 40).

Hand-written editing passes roughly equally through all the transcripts with the exception of one, namely, the transcript of Galperin report that suffered the most intensive editing among the reports of that day. We suggested that continuous editing of all the report transcripts from that meeting regardless of their authorship was made by the same person. Preliminary verification of the handwriting with the sample handwriting of A. N. Leontiev suggests his authorship (see the inset), but nevertheless, definitive conclusions can be made only on the basis of the professional graphology expertise.

Galperin's talk draws attention by its rather unusual for the «Kharkov School» representatives' critics of A. N. Leontiev research. A similar criticism appears in P.I. Zinchenko's work «The Problem of Involuntary Memorization» published a year later (see Scientific Notes of Kharkov Pedagogical Institute of Foreign Languages, 1939, v. 1, pp. 145–187). Notably, however, that in this article, there is no reference to the Galperin report and in this article (Zinchenko, 1939) criticism of Vygotsky appears as well, which originally was not in either of these two reports.

In the Galperin report hand-written editing resulted in not only significant changes of the text, but sometimes even the meaning of the spoken words was altered. For example, at the very bottom of page 35 the phrase «Emotions are the primary force that leads to improved memorizing of a meaningful material» noted down by the stenographer as a result of editing was changed to inverted statement: «Emotions are not the primary force that leads to improved memorizing of a meaningful material».

While preparing the text for publication several changes to the transcripts were made. For example, punctuation was brought wherever possible in accordance with the modern norms of orthography. All hand-written strikeouts were transmitted as text strikeouts. Curly brackets mark editorial commentaries of the publisher, such as pagination of the transcripts. All handwritten inserts are marked by square brackets. Obvious errors of the stenographers are corrected and are accompanied by footnotes. Abbreviations are explained in angular brackets. At the same time, while editing the text we tried to save all the stylistic unevenness and roughness and even the grammatical errors that are acceptable in a spontaneous oral discourse. All cases of underscoring and use of capital letters encountered in the text are transferred exactly in accordance with the original. In publication the numbering of the odd pages of archival documents is preserved while the reverse pages, i.e. even-numbered, are indicated by the symbol «-2».

We express our gratitude to Ekaterina Zavershneva for the consultation and extremely valuable advice on the formatting of this publication.

Keywords: Kharkov Psychological School, Kharkov Pedagogical Institute, First Scientific Session of the HSPI, Archive, Transcript, Doublespeak, Anonymous Collective Co-Authorship, Quasi-Pseudonymity, Psychology of Memory, P. I. Zinchenko, P. Ya. Galperin, A. N. Leontiev.

Учение о памяти (1938)

П. Я. Гальперин

Учение о памяти — это более существенный вопрос, чем вопрос о произвольном запоминании, ибо в конце концов как бы ни были интересны всякого рода теоретические исследования, человек прежде всего стоит перед вопросом о том, как он может овладеть своей памятью, может ли овладеть ею произвольно.

В сущности говоря, на вопрос о том, как же строится произвольная память, существует только один ответ, и советская психология может гордиться, что этот ответ дан ее представителями. Только в теории Леонтьева и Выготского¹ дан ответ о том, что такое произвольная память. Произвольная память — это память, опирающаяся на определенное вспомогательное орудие психологическое. {с. 27} Всякая произвольная память есть память опосредствованная. Нужно отдать должное величю замысла теории о произвольной памяти. Речь шла о построении грандиозной психологической системы об учении о высших психических функциях человека.

{с. 28} С того времени, как была построена эта большая, единственная в своем роде система, прошло немало времени, и многое осталось позади.

Сейчас, что касается лично меня, то я не могу согласиться ни с учением о характере и роли опосредствования и запоминания, ни с представлением об уроках развития памяти, ни о путях развития человеческой психики так, как это развито в учении пр. Леонтьева.

Я задержусь на вопросе об опосредствовании памяти, поскольку это касается темы о строении и эффективности произвольного запоминания. Как показал анализ в книге Леонтьева², это запоминание существует в двух разных формах. Это опосредствование — процесс и второе — это опосредствованный³ материал в памяти. Опосредствовать процесс в памяти — это носить в памяти так называемые внешние запоминания. Сюда относятся всякого рода зарубки, узелки и всякого рода предметы, которыми мы пользуемся как средством нашей памяти. Если посмотреть суть этих приемов, то оказывается, что они заключаются в том, что создается какое-то реальное звено между наличной ситуацией, которую нужно запомнить, и той ситуацией, в которой должно вспомнить⁴ то, что происходит сейчас.

Арсеньев⁵, например, рассказывает, что, когда он гостил у одного нашего дальневосточного племени удэге {sic} то, когда он их покидал, удэгейцы дали ему коготь рыси для того, чтобы он, взглянув потом на коготь рыси, вспомнил о той просьбе, которую он от них получил, чтобы он вспомнил {с. 28-2} о том, о чем они перед ним⁶ ходатайствовали. Прием психологический, который здесь заключается в том, чтобы увязать эти необычные предметы — коготь рыси — с будущей ситуацией, чтобы этот коготь рыси перенес бы его в прежнюю ситуацию, первую ситуацию, когда его просили о чем-то, чтобы он вспомнил эту первую ситуацию и выполнил бы то, о чем его просили.

Значит, все эти знаки — узелки, коготь рыси, записи, заметки всякого рода, — представляют реальное звено, которое переносит⁷ в будущую ситуацию мысленный план настоящего. Тут мы используем какие-то технические орудия, которые берут на себя функции напоминания, т. е. с этого момента уже не я должен помнить, о чем перед этим просили удэгейцы, теперь коготь рыси напомнит об этом.

Так что здесь есть перенос функции памяти — то, что раньше делали мои естественные нервные {пропуск в стенограмме}, то теперь должна выполнять какая-то внешняя вещь. И, как видите, эта функция широко развивается в истории развития человека, когда от простого напоминания она переходит к воспроизведению содержания: от узелка мы переходим к записной книжке, в которой дается указание, что именно мы должны вспомнить.

{с. 29} Мы имеем, действительно, многочисленные жалобы со стороны психологов на то, что культура и вспомогательные средства запоминания привели к невероятному ослаблению человеческой памяти, ибо человеку не приходится так запоминать, и он начинает хуже запоминать. Это первое опосредствование, реальное опосредствование. Тут действительно изобретается орудие, аналогичное орудию труда, но оно приводит к тому, что так как орудия труда заменяют физический труд человека, так и тут происходит замена памяти. Задача памяти тут выступает, но не как психологическая задача, а как общественная задача, и решается не психологией, а производственно-техническими средствами. Так что этот вид опосредствования, реальный вид опосредствования,

¹ В оригинале: Выгодского.

² Имеется в виду кн. Леонтьев А. Н. Развитие памяти. Экспериментальное исследование высших психологических функций. М.: Л.: Учпедгиз, 1931. — 280 с.

³ В оригинале: опосредствование.

⁴ В оригинале: запомнить.

⁵ Ср., например, Выготский и Лурия. Этюды по истории поведения. М., 1930, с. 65.

⁶ В оригинале: них.

⁷ В оригинале: которые переносят.

ования должен быть сброшен со счетов [счетов] психологии, ибо это не психологический путь решения вопроса о памяти.

Второй путь опосредствования — это путь опосредствования на т<ак> н<азываемое> запоминание. Он заключается в том, что материал механический, материал бессвязный⁸ объективно или субъективно подвергают искусственному осмыслению. Сюда относятся всякого рода мнемотехнические приемы: знаменитый прием из анатомии, когда нервы, вены и артерии, лежащие в подколенной ямке, в определенной последовательности запоминаются со словом [“]нева[“]. И это запоминается, потому что студент не знает расположения нервных сосудов в организме человека, поскольку⁹ порядок их расположения выступает как неосмысленный, а [это] чрезвычайно важно для операции в этой области и поэтому приходится прибегать к этим вспомогательным приемам.

Так происходит со всеми формами бессмысленного¹⁰ материала. Суть осмысления сводится к тому, что материал, сам по себе бессвязный¹¹, заключается в общую форму, где получает {с. 29-2} больший смысл или устанавливается между ними искусственная связь, как мы устанавливаем между отдельными цифрами номера телефона, когда думаем, что вторая цифра равна первой минус последняя и т<ак> д<алее>, так что суть заключается в том, что мы по возможности осмысливаем материал.

{с. 30} Этот прием заключается, таким образом, в осмыслении материала. То, что здесь имеет место осмысление материала, подчеркивается всеми исследованиями. Исследователи говорят, таким образом, что, к сожалению, чрезвычайно трудно добиться от испытуемых, чтобы они поняли подлинную задачу эксперимента¹², потому что все время они пытаются как-то осмыслить материал, хотя осмыслить определенным размером. Слово требует очень большой практики для того, чтобы сделать из человека пригодного субъекта для экспериментирования.

Исследования пр. Леонтьева показывают, что прогресс в опосредствовании есть прогресс в осмыслении, что наглядное осмысление дает меньше практического, чем природное осмысление.

Итак, этот второй вид опосредствования¹³ есть, таким образом, не опосредствование, а осмысление. Я хочу подчеркнуть вместе с тем, что это суррогатное, половинчатое осмысление, ибо с самого начала это осмысление материала, котор<ый> все время продолжает оставаться как неосмысленный; если

нам¹⁴ указывают на успех мнимотехники {sic}, то нужно сказать, что этот успех ни в коем случае не может быть преувеличен, потому что здесь бессмысленность может быть использована как своеобразный смысл, т. е. будет скачка с препятствиями. То есть нужно осмыслить громадную массу бессмысленного материала. Когда платят деньги, как в цирке, когда на этом материале вы показываете силу своей памяти или своеобразное образование при специальном научном исследовании, это одно. Но на что указывает Мейман¹⁵? Мейман¹⁶ {с. 30-2} указывает, что при большом напряжении он может добиться запоминания большого количества бессмысленного материала¹⁷. Но ведь дело в том, что для него этот материал уже не был бессмысленным.

Я говорю, что это опосредствование, которое обычно представляет собой не что иное как прием возможного дополнительного осмысления, сам по себе бессмысленный материал, есть суррогатный прием, прием половинчатого, порочного осмысления. Это применимо только как механический материал, не увязанный с чем-либо. Там, где речь идет об осмысленном материале, там применение такого метода вредно и просто невозможно.

{с. 31} Его суррогатность сказывается и в его недостаточной коллективности [продуктив]ности. И в самом деле, мы знаем из исследования Леонтьева, что опосредствование дает большое повышение продуктивности — в несколько раз, но это повышение совершенно ничтожно по сравнению с цифрами, которые дает нам бессмысленный¹⁸ материал, с одной стороны, и осмысленный, с другой стороны. Осмысленный материал, как указывает целый ряд авторов, запоминается в 18–20 раз больше, в то время, как опосредствованное запоминание дает прирост продуктивности в 2–3 раза.

Этот ничтожный прирост продуктивности показывает, что здесь мы имеем порочную половинчатость осмысления.

Но для нас с вами важность заключается в этом плане. Опосредствование это не есть новый прием, это опосредствование важно [это] не привнесением орудийности в психологический процесс, а привнесением осмысления, когда его нет, не может быть до конца проведено. Если мы имеем увеличение памяти в результате этого половинчатого осмысления, если имеем еще лучшее увеличение памяти в результате полного осмысления материала, то это говорит, что память, как процесс, совершается именно в процессе осмысления, что запоминание и не [в] запоминании

⁸ В оригинале: бессвязный.

⁹ В оригинале: поскольку.

¹⁰ В оригинале: бессмысленного.

¹¹ В оригинале: бессвязный.

¹² В оригинале первая половина этого предложения подается в единственном числе: «чрезвычайно трудно добиться от испытуемого, чтобы он понял подлинную задачу эксперимента».

¹³ В оригинале: осмысления.

¹⁴ В оригинале: слово нам повторяется дважды.

¹⁵ В оригинале: Мельман.

¹⁶ В оригинале: Мельман.

¹⁷ Ср. Мейман Э. Экономика и техника памяти. М.: Книгоиздательство «Космос», 1913.

¹⁸ В оригинале: бессмысленный.

осознание происходит в процессе осмысления — не до него, не после него, а именно в процессе осмысления. В этом заключается такое свойство памяти, как упорядоченность, что память выводит из прошлого не все, не что угодно, а определенное, и структурность памяти. Все дело заключается в том, что сначала осмысление, а потом запоминание или наоборот. Память совершается внутри и в самом процессе осмысления, память не существует как самостоятельная {с. 31-2} психологическая функция, она совершается только в процессе осмысления.

Доказательство: мы имеем задачу без всякой задачи запоминания. Опыт Кёлера¹⁹ показывает, что может не быть никакой задачи на запоминание, может не быть никакого решения задачи, но, когда мы имеем собственно интеллектуальное решение, одним из признаков является то, что такое интеллектуальное решение приводит к тому, что задача запоминается сразу и прочно²⁰. Именно когда задача на запоминание не ставится, происходит запоминание сразу и прочно.

Опыт Торндайка, произведенный над самим собой с бесконечным²¹ повторением одного и того же действия — рисование {м} черточек — показывает, что без осмысления действий не происходит запоминания²². Он сделал 22 тыс. проб на прочное запоминание и правильное решение. Осмысление²³ проб совершенно необходимо. Оно необходимо даже при слепой дрессировке. Дрессировка получается только там, где, несмотря на трудность задачи, животное улавливает какую-нибудь связь между решением и производящимися действиями.

{с. 32} Я не буду останавливаться на целом ряде опытов, которые вам всем известны. Роль распределения повторений при зачитывании, роль распределения тоже должна говорить о том, что здесь предшествующий прием совершенно другого порядка.

Если бы речь шла о том, что бы было пробивание пути через нервную систему, то казалось бы, что чем больше бить, тем лучше, а на самом деле оказывается совсем не так: оказывается, дальнейшее повторение ни к чему не приводит. Есть очень хорошее указание на то, что сколько бы вы ни повторяли, сколько бы вы повторений ни делали, а решающим является первое повторение. А дело заключается в том, что первое повторение прокладывает путь, а все дальнейшее идет вдоль него, поэтому все дальнейшие повторения почти ничего не приносят к осмыслению, в то время как если вы делаете перерыв, то вы это по-новому осмысляете и вносите это новое осмысление в повторение, и действенная сила повторения есть в этом. Память, которая наступает без всякой задачи, это есть память, запоминание которое

является настоящим видом памяти. Мы, например, не ставим себе задачей каждый год, когда видим горную вершину, запомнить ее; мы на нее смотрим просто с удовольствием, а она, оказывается, запоминается. Так что это есть запоминание без специальной задачи — это есть реальный тип {запоминания}. Запоминание со специальной задачей — это запоминание искусственное. Это показывает дальше то обстоятельство, что сама {с. 32-2} память существует в меру осмысления.

Исследование памяти последнего двадцатилетия поставлено именно по линии осмысленности памяти.

Опыты Бине²⁴ показывают, что хорошо запоминаются отдельные фразы²⁵, и Бюлер подчеркивает, что испытуемый прекрасно воспроизводит смысл, но только не в тех словах, как это было сказано, т. е. это производилось именно в осмыслении. И то, что осмысляется, то и запоминается, то, что схватывается, то и запоминается.

Что же это значит[?] Что, разве не существует задача — раньше осмыслить, а потом запомнить{?}. Конечно, не существует. Мало ли что не существует. Существуют и эти искусственные задачи, но что они представляют собой[?] Задача — сначала запомнить, а потом осмыслить — эта задача приводит к механическому запоминанию, это ясно из сути дела. Но обратная задача — задача — сначала понять, а потом заучить. Я утверждаю, что эта задача на механическое запоминание, потому что то, что понятно, то не нужно заучивать, оно само заучивается. Если есть дополнительная задача на заучивание, то заучивание относится к тому, что непонятно. Например, имеется стихотворение. Вы там прочтаете и поймете смысл, но теперь нужно заучить стихотворение, определенной²⁶ словесной формы.

{с. 33} А вот словесная форма, она не осмыслена. Осмыслено содержание, смысл стихотворения, форма стихотворения не понята, т. е. не понята необходимость, чтобы такое содержание получило именно такое ритмическое оформление. То, что не понята, это содержание, не уловлена связь между определенным смыслом и определенным литературным оформлением, {и это} приводит к тому, что литературная форма не запоминается. Нужно запомнить. Значит, она выступает как механический материал и тогда приходится прибегать к специальным нарочитым приемам механического запоминания.

Все-таки механическая память существует, мы должны несколько на ней остановиться. Так что же, память сводится целиком к запоминанию? Это механическая искусственная память, которая существует, она целиком сводится к какому-то ее суррогатно-

¹⁹ В оригинале: Кюлера.

²⁰ Ср. Кёлера В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян / Под ред. Л.С. Выготского. М.: Изд-во Акад. Ком. воспит., 1930.

²¹ В оригинале: безконечным.

²² Ср. Edward L. Thorndike. The Law of Effect // The American Journal of Psychology. Vol. 39. № 1/4 (Dec., 1927), p. 212-222.

²³ В оригинале: Осмысление.

²⁴ В оригинале: Бюне или Бюрне.

²⁵ Предположительно Гальперин ссылается на работу: Binet A. L'etude experimentale de l'intelligence, 1903.

²⁶ В оригинале: определение.

му, хотя бы, осмыслению. Этого не собираюсь утверждать: вполне допускаю то обстоятельство, что в механической памяти так же, как во всякой памяти, при[в]ходят моменты, которые не связаны с осмыслением, но тогда она представляет собой не что иное, как ~~органическое~~ [логическое] нервное запечатление.

Конечно, это обстоятельство чрезвычайно важное, иногда оно так значительно, что перекрывает всякие другие обстоятельства. Но это предмет физиологии. Физиология памяти еще не создана, она конечно будет создана, но ее еще нет. Есть наброски в работе Павлова об условных рефлексах и т. д., но пока она не создана. Как мы должны относиться к этому факту? Мы получили эту органическую основу как некий коэффициент личности. Об этом в сущности говорить нам, ни физиологам, ни врачам, не приходится. Понятно, что человека, у которого плохая память, надо послать к врачу, чтобы сказал, что у него малокровие, что нужно принимать {с. 33-2} рыбий жир, фитин и т. д.

Но это не задача психологов. Сейчас вопрос ставится таким образом: при данной неизменной для данного человека органической основе имеет ли какое-нибудь влияние психология на условия запоминания? Имеет грандиозное влияние. Именно в силу этого влияния указывалась разница осмысленного и механического запоминания у одного и того же человека, и эта разница достигала 25-кратного размера. Об этой разнице должны говорить.

Это приводит к выводу: в той мере, в какой занимается психология, можно говорить только об осмысленности, осмысленности материала — вот что является решающим фактором в запоминании.

{с. 34} Итак, в той мере, в какой память может быть предметом психологии, память не выступает как самостоятельная задача, она всегда осуществляется через процесс осмысления.

Сегодня вы слышали в прекрасном докладе пр. Лебединского²⁷ указание, что сама патофизиологическая функция выступает сейчас как самостоятельная функция, она всегда является как ингредиент какой-то другой функции.

Задача памяти есть, но это есть такая задача, которая не ограничивает психологический круг вопросов. Задача встает перед нами в силу требования окружающей среды, она встает как социальная задача, в частности как педагогическая задача. Память имеет аспект социальный, и тогда она сводится к целому ряду технических средств, она имеет аспект физиологический, и тогда она должна решаться в аспекте физиологии; она имеет аспект психологический, и тут лучшим является осмысление материала.

Я бы не хотел остаться непонятым вот в каком смысле. Я вовсе не думаю, что осмысление является решающим моментом. Я думаю, что осмысление приводит нас к какому-то решающему моменту. Во-

прос далее ставится таким образом: почему-то осмысление играет такую магическую роль в отношении памяти[?]. Здесь есть целый ряд предположений.

Скажем, осмысление устанавливает связь между элементами, осмысление есть некоторая личная деятельность, а все, что связано с личностью, нас все это удовлетворяет, потому что все это имеет место в опосредствовании, запоминании механическ<ом> {с. 34-2} материала и в материале осмысления. Мы не можем объяснить, но есть огромная разница в запоминании материала, хотя все эти элементы есть и тут, и там. Парадоксальная вещь, что для нашего человеческого организма играет такое большое значение опять-таки содержательная увязка между частями самого материала. Но это имеет значение, поскольку это осознается субъектом.

Значит только в той мере, в какой не просто существует объект, осмысленный материал, но в такой мере, в какой наши движения в материале соответственно связывают и отношения самих вещей, — только в такой мере и оказывается {пропуск в стенограмме} это осмысление.

Все дело заключается в том, что осмысление открывает нам связывание материала и вводит нас внутрь этого материала. Оно представляет собой реальный план, движение через этот материал и, поскольку это движение осуществляется, постольку оно дает лучшее запоминание. Все дело заключается в том, что когда мы движемся по связям самих вещей, то наша деятельность, определяемая свойствами самих вещей, на каждом этапе испытывает потребность в следующем этапе. В том-то и дело, что поскольку наша деятельность отображает объективную связь отдельных членов этого материала, постольку эти члены указывают нам, в чем мы нуждаемся, в следующем шаге нашей деятельности.

{с. 35} Поэтому ближайшая ~~задача~~ [догадка] заключается в том, что сила, увеличивающая продуктивность осмысленного запоминания, есть потребность, которая имеется внутри этого осмысления, потребность, которая на каждом этапе жаждет получить следующее звено, как недостающее звено. Если я хочу стругать, то нужен рубанок и возникает потребность в рубанке. Потребность выражается в том, что я произвожу актуально какую-нибудь операцию и в процессе этой операции выявляются элементы этой операции. Если двигаться по осмысленному материалу, то на каждом этапе ждать последующего звена осмысленного следствия. ~~Этот~~ [Из этого] Левин развил целую теорию. Мое возражение заключается в том, что эта потребность была бы квазипотребностью, и эта квазипотребность больше, чем действительная. Если говорим, что должны запомнить то-то и то-то, то это не показывает очевидно, что запомнит {sic}. Потребность в плане — есть квазипотребность, а задача на запоминание — это реальная задача. Если бы все дело было только в напряжении, то

²⁷ М. С. Лебединский, доклад «Психология и патопсихология», 18 декабря 1938 г.

напряжение гораздо больше на бессмысленный²⁸ материал, чем осмысленный. Следовательно, потребность не может объяснить это дело.

Но потребность не лишнее понятие. Загадка мышления заключается в том, что мышление, устанавливая осмысленное[сть] содержание[я] материала, вместе с тем определяет отношение этого материала к каким-нибудь личным установкам испытуемого. Оценка известного предмета по отношению к нашим основным установкам есть не что иное, как эмоции в большей или меньшей степени.

Эмоции [не] есть основная сила, которая приводит к улучшенному запоминанию осмысленного материала, ибо материал {с. 35-2} ~~большее значение имеет~~ [получает значимость], когда осмысливается.

Осмыслив материал, получив известное лицо, он имеет отношение к нашим основным установкам {sic}. Эмоциями можно его воспроизвести, потому что он обладает следующими особенностями. В от-

личие от потребности, раз имеются потребности, мыслим план. Эмоции показывают решающее влияние на физиологические процессы, ~~умудряется~~ [эмоции] перестраивать [ют] физиологические процессы, в том числе и физиологические процессы нашей системы. Эмоции поэтому имеют два корня: воображение, с одной стороны, и физиологическую основу, с другой стороны.

Ес~~т~~[ть] тот якорь, к которому можно прикрепить посторонний для нас материал, к субстрату нашей личной жизни, и эмоции обнаруживают²⁹, в какой мере наше запоминание может выйти за предел осмысления³⁰, ибо если осмысление есть одна из могущественных сил, она действует ~~ниже, чем~~ [меньше] эмоци~~н~~[й], а эмоции действуют шире на осмысление.

{с. 36} Вот по этой линии запоминаются стихи, поражающие события и т. д. Эмоции есть корень памяти.

Study of Memory (1938)

P. Ya. Galperin

²⁸ В оригинале: бессмысленный.

²⁹ В оригинале: обнаруживает.

³⁰ В оригинале: осмысления.